

Н.А. Листопадов

ЦЕРЕМОНИЯ ПОХОРОН РУКОВОДИТЕЛЯ БУДДИЙСКОЙ МОНАШЕСКОЙ ОБЩИНЫ БИРМЫ

В разных культурах отношение к смерти различное. Разнообразием отличаются и похоронные обряды. В Бирме (Мьянме), принадлежащей к ареалу южного буддизма *тхеравады*, или *хинаяны*, смерть человека воспринимается всего лишь как момент в бесконечной череде перерождений, называемой *сансарой*. Идеалом для буддиста является освобождение от бремени перерождений и достижение нирваны.

Что касается бранных останков, телесной оболочки человека, то в обществах *тхеравады*, как правило, практикуется кремация. Она распространена, например, среди таких народов, как таи, лаосцы, кхмеры, сингалцы. У бирманцев дело обстоит по-другому. Кремации подвергаются только тела умерших буддийских монахов. Останки умерших мирян по преимуществу не кремируют, а передают земле. В столице, где имеются крематории, кремируются и тела мирян. Причем пепел обычно не забирается родственниками и не хранится.

Тот факт, что у бирманцев предание земле преобладает над кремацией, которая предписана религиозной традицией, говорит, скорее всего, о сохраняющемся влиянии добуддийских обычаев и представлений, связанных с культом земли. Недаром место рождения бирманца называется местом, где «брошена пуповина младенца». (Заметим, что у башкир малую родину называют местом, где «зарыта пуповина».) Тем самым, в языке подчеркивается неразрывная связь человека с землей. Таким образом, преданием человека земле после смерти как бы замыкается круг его земного бытия.

Другая причина того, что кремация не укоренилась среди бирманцев, — меньшее влияние на бирманскую культуру в сравнении с соседними странами брахманизма и индуизма, предписывающих сожжение тел умерших. Есть основания полагать, что сам этот обычай пришел в Юго-Восточную Азию из Индии.

В мае 1993 г. мне довелось не только наблюдать, но и участвовать в траурных мероприятиях, связанных с кончиной главы *сангхи* — монашеской общины Бирмы — Бхаданта Индакары. Все церемонии проводились в бирманской столице Рангуне (Янгоне) в соответствии с традицией, существовавшей в Бирманском королевстве до захвата его Великобританией в 1885 г. Это событие можно считать уникальным, ибо подобные церемонии не проводились более 100 лет.

В доколониальные времена король считался покровителем религии, а ближайший к монарху настоятель *саядо* (буквально *королевский учитель*) — главой *сангхи*. В колониальные времена ситуация изменилась, монашеская община лишилась опеки государства, оказалась предоставленной сама себе.

В первые годы независимости, обретенной в 1948 г., когда премьер-министром был У Ну, государство вновь стало покровителем *сангхи*. В 1961 г. в Бирме буддизм был провозглашен государственной религией. Однако единства внутри *сангхи*, стройной организационной структуры, которая охватывала бы всех монахов, не существовало. Фактически, каждый монастырь являлся самостоятельной организационной ячейкой. Члены *сангхи* принадлежали к девяти конкурирующим сектам.

Ситуация стала меняться после прихода к власти в 1962 г. военного Революционного совета во главе с генералом Не Вином. Началось огосударствление различных общественных институтов. Под контролем государства была создана всеобъемлющая организационная структура — от комитетов *сангхи* группы деревень и городских кварталов до Высшего Государственного комитета *сангхи*.

Бхаданта Индакара принимал активное участие в этом процессе. В 1980 г., когда состоялся Первый буддийский собор представителей всех сект, он был избран председателем Высшего Государственного комитета *сангхи*. Неофициально его называли

сасанабайн, или *сангхараджа*. Такие титулы носили первосвященники в королевской Бирме. Став главой бирманских буддистов, Бхаданта Индакара занимал этот пост в течение 12 лет до самой смерти, последовавшей 28 апреля 1993 г. (в возрасте 96 лет).

Почившему главе буддистов были устроены государственные похороны. Траурные церемонии продолжались почти месяц – до 22 мая. Тело сангхараджи поместили для прощания в Маха Пасана Лайн гудочжи – монументальное сооружение, представляющее собой искусственную пещеру. Это здание на 10 тыс. мест было возведено для проведения в 1954 г. Шестого Всемирного буддийского собора. Пещера построена по образцу той, в которой, по преданию, заседал в Раджагрихе Первый собор, состоявшийся сразу после смерти Будды Гаутамы. В величественной рангунской пещере проводились самые важные религиозные мероприятия. На многих из них председательствовал Бхаданта Индакара, а теперь его тело было выставлено здесь для прощания.

Умершие буддийские монахи кремируются по прошествии довольно значительного времени после кончины. Для сохранения в условиях тропиков их тела подвергаются своеобразному балзамированию. Внутренности через рот заполняются большим количеством арахисового или пальмового масла. Кожа натирается бактерицидной пудрой, приготовленной из дерева *танакха*. Затем тело туго пеленается в темношафрановые монашеские тоги.

Подвергшиеся подобной процедуре останки Бхаданта Индакары были помещены в герметично закрытый стеклянный гроб, над которым возвышались три многоярусные башенки – *пьятта*, символизировавшие различные небеса – миры буддийской Вселенной. Возвышение, на которое установили гроб, было украшено четырьмя ослепительно белыми с золотыми блестками зонтами – символами духовного величия и могущества, а также четырьмя золотистыми монашескими зонтами. Вывешены многоцветные религиозные флаги. Подиум был уставлен корзинами с цветами – белыми и желтыми хризантемами, гладиолусами и алыми розами. Благоухали гирлянды жасмина. Тут же – большой портрет усопшего, а также его гипсовое изваяние в натуральную величину, усаженное на богато украшенное резьбой кресло-трон; в правой руке изваяния была помещена пластинка-пейза со священным текстом, в левой – веер. Мимо гроба нескончаемым потоком шли люди, чтобы отдать последние почести почившему иерарху. Все они делали пожертвования на организацию похорон – кто скромные, кто щедрые, в зависимости от возможностей. Суть не в сумме, а в самом факте жертвования на благое дело, улучшающем карму даящего. Поклониться праху сангхараджи прибыли высшие руководители страны. Они дали необходимые указания относительно организации похорон, носивших государственный характер.

Не обошлось и без чудес – неотъемлемой части подобных церемоний, связанных с похоронами столь благочестивой особы. Официальное информационное агентство Бирмы опубликовало сообщение о том, что отдать дань уважения почившему монаху приползла маленькая змея, которую заметили на ковре неподалеку от гроба¹. Традиционное буддийское учение обращено не только к людям, но и к животным. Проповеди Будды слушали дикие звери, а *змея-нага* был его охранителем. Входы в пагоды охраняют *львы-чинтеи*.

Тем временем бирманские средства массовой информации рассказывали о жизненном пути Бхаданта Индакары, его заслугах в деле распространения буддизма. Родился он в 1897 г. в одной из деревень области Пегу. Большинство бирманских монахов – выходцы из сельской местности. Уже пятилетним ребенком он стал послушником – *саманерой*, а по достижении 20 лет, как и положено, получил полное посвящение в монахи и с тех пор уже никогда не снимал монашеской тоги. На момент кончины монашеский стаж Бхаданты Индакары составил 77 лет.

В сангхе положение ее членов зависит в первую очередь от количества лет, проведенных в монастыре. Строгое следование этому правилу создает проблемы при выборах руководителей Высшего Государственного совета сангхи: ими становятся 80-90-летние старцы. Впрочем, образ жизни буддийских монахов – воздержание в еде,

спокойствие, медитация – позволяет им до преклонных лет сохранять здоровье и бодрость.

Так, Бхаданта Индакара в 1990 г., когда ему шел 94-й год, во главе большой делегации настоятелей совершил паломническую и миссионерскую поездку в Непал, Индию, Японию, Таиланд и на Цейлон.

В некрологах, статьях, других материалах, посвященных памяти сангхараджи, не было ничего случайного². Они соответствовали канонам и традициям буддийских житей. Сообщались сведения о его родителях: иметь сына-монаха – одна из главных заслуг буддиста. Чтобы получить признание со стороны сангхи и государства, монах должен успешно сдавать регулярные экзамены на знание буддийского канона, писать труды, комментирующие Трипитаку. Бхаданта Индакара подготовил 36 трактатов.

Высшие религиозные титулы невозможно получить, не создав крупный монастырь и не открыв школу для монахов. Индакара основал монастырь в г. Пегу под названием Пегу Мьёма, настоятелем которого оставался до конца своих дней. В Бирме, когда говорят или пишут о каком-либо монахе, редко употребляют его имя, ограничиваясь упоминанием названия обители. И Бхаданта Индакара вошел в историю бирманской монашеской общины как *саядо* – настоятель монастыря Пегу Мьёма. Покойный сангхараджа имел множество учеников, активно вел миссионерскую деятельность, был настоятелем палийских университетов. Поэтому государство присвоило ему высший религиозный титул Абхидхайя Маха Ратха Гуру – Великого учителя.

22 мая 1993 г. наступил день кремации. Для нее было построено специальное сооружение, напоминающее королевский дворец, увенчанный тремя многоярусными башенками-*пьятта*, подобными тем, которые возвышались над стеклянным гробом. Пьятта символизируют небо, где обитают *божества-натты*. Недаром о почивших монахах и членах королевской семьи говорят, что они вознеслись в страну натов. Дворец представлял собой настоящее произведение традиционного искусства. Он был покрыт цветочным орнаментом, расписан фресками, на которых изображались сцены смерти Будды Гаутамы и его переход в паринирвану. Тут же – скульптуры *кэйнаров*, существ с лицом человека и туловищем птицы. Сооружение охраняли четыре изображения *манусихов* – мифических существ с одной головой и двумя туловищами, которые якобы могут отпугивать злых духов.

Саму церемонию кремации называют «праздником радостного моления для достойных людей»³. Для непосвященных это звучит весьма странно: смерть и радость. Но для буддиста противоречия здесь нет. Смерть человека служит доказательством того, что мир наполнен страданием, что нет ничего постоянного, все подвержено закону бренности, ибо даже Будда и архаты – святые – не могут одолеть «короля смерти». Правверный буддист, созерцая тело сангхараджи, погружается в состояние медитации, и ему во всей полноте открываются вышеназванные сущности, он обретает драгоценное знание. Это дает буддисту возможность эффективнее бороться с жадностью, гневом и невежеством – главными причинами страдания. Кроме того, участие в похоронной церемонии, чтение молитв, пожертвования благотворно влияют на карму. Особенно, если речь идет, как в нашем случае, о кремации первоиерарха.

Последний день прощания с сангхараджей, как и предыдущие, начался с угощения монахов. Только из области Пегу, родины Индакары, было приглашено 750 иноков и 100 монахинь-тилацин.

Сама церемония открылась общей молитвой, исполнением религиозных гимнов-песнопений и декламацией священных текстов, в которых говорилось о бренности мира. Один из старших монахов от имени всех присутствовавших зачитал документ, содержащий просьбу к почившему простить их за вольно или невольно доставленные огорчения и неприятности. Подобные обращения звучат и на обычных похоронах. Во время похорон моего знакомого-бирманца, перед тем как опустить гроб в могилу, огласили текст, подписанный его начальником. В нем говорилось, что почивший не имел никаких долгов и неисполненных обязательств и ему никто ничего не должен. Этот листок положили в гроб.

Затем присутствующим монахам преподнесли дары, после чего последовал ритуал кропления святой воды, которая по капелькам была перелита из серебряных сосудов в серебряные чаши. Наступило время выноса гроба с телом сангхараджи из пещеры. Сначала (до середины зала) его несли восемь монахов, а затем – члены правительственной комиссии по организации похорон. Гроб водрузили на трон, установленный на специальной машине, украшенной четырьмя белыми зонтами и башней-пятой. В этот момент было замечено благое явление: покрытое тучами небо прояснилось и выглянуло солнце.

Катафалк сопровождала пышная процессия в средневековом духе. Впереди шествовали музыканты в белых одеяниях, ударявшие в бронзовые гонги, за ними – 200 монахов, артисты, облаченные в одежды принцев и принцесс (первые – с королевскими регалиями, вторые – с золотыми веерами и зонтами), а также лица в одеяниях божеств-натов с многоцветными буддийскими флагами и наградами почившего. Шествие замыкали «члены королевской свиты». Сверкали на ярком тропическом солнце усыпанные драгоценными камнями (бугафорскими) короны на головах принцев и принцесс. Переливался шелк длинных одеяний, шлейфы которых волочились по земле. На лица артистов был наложен густой макияж. Великолепие процессии не только подчеркивало исключительный характер последних почестей, оказывавшихся сангхарадже, но и символизировало путь почившего из мира людей в более высокий – мир божеств-натов.

Шествие было замкнуто с обеих сторон шеренгами людей, державших канаты, которые как бы изолировали процессию, следовавшую в мир высший, от мира профанного. В этих шеренгах шли руководители религиозных организаций, монахини, родственники почившего, благочестивые миряне в белых одеяниях – всего более 300 человек. Хотя в Бирме нет траурного цвета, в данном случае выделялся белый как лишенный яркости и ассоциируемый с чистотой, благочестием и преданностью религии. (Кстати, обычные машины-катафалки в Бирме окрашены в белый цвет и называются «нейбанйин» – «транспортные средства, везущие в нирвану».)

Процессия, прошествовав по улице, украшенной более чем 1500 религиозными флагами, обошла вокруг известной пагоды Каба Эй – «Мир во всем мире», но на ее территорию гроб, согласно традиции, не вносился. Временный дворец, где должна была состояться церемония кремации, располагался неподалеку на холме этой пагоды. Здесь собралось несколько десятков тысяч человек. Особенно колоритны были большие группы бритоголовых монахов в одинаковых шафрановых тогах и монахинь, также с бритыми головами, но в одеяниях бледно-розового цвета. Миряне были в обычных праздничных одеждах.

Когда процессия достигла цели, гроб был снят с катафалка и перенесен к подножию дворца, на самый верх которого ведет длинная лестница. По ее сторонам стояли с белыми зонтами наты и брахмы, а по бокам были нарисованы белые облака на голубом небе. По рельсам гроб с телом сангхараджи был поднят на верхнюю площадку, где его встретил Тэджамин, предводитель натов, который у бирманцев идентифицируется с индийским божеством Индрой.

В это время исполнялись соответствующие песнопения, произносились молитвы, в частности о непостоянстве, иллюзорности всех явлений в чувственном мире. Тем временем гроб опустили в металлический контейнер. Тело, обложенное сандалом, sprыснули горячей смесью. Все было готово для предания телесной оболочки сангхараджи испепеляющей стихии огня. Снизу по проводам запустили традиционную пороховую ракету-шутиху. Она пронеслась с шумом и резко ударила в гроб. Последовала яркая вспышка, потом начал валить густой дым. Картина была настолько впечатляющей, что слабонервные среди публики не выдержали. Многие женщины вскрикивали, а некоторые даже упали в обморок.

Но не будем забывать, что это не просто кремация, а праздник кремации, о чем напоминают холодные искры фейерверка. Ракета не только воспламенила гроб, но и зажгла бенгальские огни, которые огненными буквами начертали имя и титул сан-

гхараджи, высветили портрет монаха. На фоне быстро наступившей тронической ночи весь дворец засверкал огнями иллюминации⁴. На церемонии кремации проявились даже, используя понятие М. Бахтина, элементы смеховой культуры. Ведущий, рассказывавший рыдающим голосом о заслугах почившего, горечи утраты и расставания с ним, тут же вспомнил смешной эпизод из жизни иерарха. Однажды его пригласили читать молитвы по умершей. После поминок престарелый монах с удивлением стал всматриваться в одну из присутствующих дам, а затем с удивлением спросил: «А разве это не ты умерла?» Услышав этот рассказ, люди, провожавшие в последний путь Индакару, громко рассмеялись. А когда вспыхнул фейерверк, публика, как в театре, шумно зааплодировала.

Некоторые востоковеды и культурологи видят одно из коренных различий между Востоком и Западом в том, что в культуре первого почти отсутствует смеховое начало, а само явление юмора и комизма в значительной степени возникло на почве христианства. Так, И.В. Подберезский пишет: «Восток предельно серьезен и неулыбчив, западная же культура, как блестяще показано М.М. Бахтиным, покоится на смеховом начале»⁵. Бирманский пример показывает, что утверждение об отсутствии на Востоке смеховой традиции в сакральной области не соответствует действительности. Она присутствует даже на похоронной церемонии, проводимой на государственном уровне. В настоящее время трудно представить нечто подобное на похоронах православного или католического иерарха. На обычных похоронах в Бирме нередко присутствует своеобразный игровой момент. Несущие и сопровождающие гроб, стараясь перехватить его, устраивают своего рода соревнования. Возникает толкотня, чуть ли не веселье. Дело в том, что участники похоронной процессии имитируют борьбу между натами, брахмами и людьми за покойника. От того, кто победит, зависит будущее перерождение умершего: окажется ли он в мире людей или же на божественных небесах.

Сами похороны можно рассматривать как своего рода представление, спектакль. Ведущий церемонию в соответствии с законами жанра именно «представляет», точно так же, как он делал бы это на любом другом мероприятии, будь то празднование традиционного Нового года или ведение концерта. Ему многое позволено и, как шуту, дозволяется вести себя ненормативно.

Описанная церемония неслучайно проводилась по канонам старой доколониальной Бирмы. В стране до сих пор сохраняется традиционное мировосприятие. Как представляется, вполне уместна параллель между этим мировосприятием и средневековой культурой, которую блестяще исследовал М.М. Бахтин. В конце концов похороны – всего лишь одно из важных событий в жизни человека наряду с рождением, свадьбой или наречением имени. Конечно, на похоронах монаха-бирманца не только смеялись и аплодировали. Несправедливо мнение, что буддисты не горюют по покойникам. Буддист должен стремиться к абсолютному спокойствию, равнодушному отношению к горю и радости. Но это в идеале. А в реальности на похоронах сангхараджи некоторые женщины плакали, у многих слезы стояли в глазах. Хотя проводы сангхараджи в последний путь осуществлялись по средневековому сценарию, не обошлось без использования достижений современной техники. К примеру, регулярно включались аудиозаписи с проповедями и поучениями *сядо*. В них он в афористической манере делал упор на важность добродетельности: «Счастливым может быть только добродетельный. Человек без добродетелей подобен дереву без корней. Нещедрый человек напоминает цветок без запаха». Красной нитью через проповедь Индакара проходили мысль о необходимости сохранения баланса между верой и знанием, напоминание о важнейшем буддийском постулате, согласно которому следует доискиваться до истины самому, подвергая сомнению любые утверждения.

Постепенно пламя, испепелявшее тело монаха, стало гаснуть. Пепел и несгоревшие кости упали в нижнюю часть металлического контейнера. Их хорошо промыли соком кокосового ореха. Подобное омовение является давней традицией. Над лицом покойника-мирянина, прежде чем опустить гроб в могилу, разрубают кокос и совершают

очищение, поливая лицо соком. Подобную процедуру доводилось видеть и в Лаосе. Пока пепел и кости остывали, продолжалось непрерывное чтение молитв.

На следующий день рано утром священный прах сангхараджи был помещен в серебряную чашу и вручен артисту, представлявшему Тэджамина, предводителя натов, которые и спустил ее с места кремации на землю, где передал ожидавшимся монахам. Затем в зале для проведения религиозных торжеств пепел из серебряной чаши под чтение молитв пересыпали в золотую. Последнюю поместили на лotosовое возвышение специально оформленной машины, символизировавшей королевскую баржу Каравейк (название ее происходит от имени Гималайской кукушки, на которой, по преданию, летал бог Вишну). В сопровождении кортежа автомобилем Каравейк направилась в Рангунский порт.

Золотая чаша с неплотом была перенесена на теплоход, после чего была совершена церемония, имитировавшая отплытие с пристани короля со свитой. Наконец, суда и лодки достигли устья р. Рангун, впадающей в Индийский океан, точнее в Мартабанский залив Андаманского моря. И здесь золотую вазу с прахом сангхараджи бросили в водную пучину⁶. Стихия огня сменилась стихией воды. С утра в этот день моросил дождь. Уместно вспомнить, что в большинстве течений древнеиндийской мысли именно вода выступает первоэлементом, первовеществом. Буддизм во многом заимствовал это представление.

Как видим, прах монаха нашел последнее пристанище на морском дне. На земле нет конкретного места, где покоится хотя бы частица праха Индакары, что находится в полном соответствии с буддийской ориентацией (в ее бирманском преломлении) не на полюс, а на потусторонний мир. У бирманцев отсутствует культ кладбищ, им неведом обычай приходить поплакать на могилу или место кремации. Ушедшего человека можно почитать мысленно, без привязки к конкретному месту. Вообще в отношении бирманцев к покойникам явственно просматривается суеверный страх. Считается, что умерший может приносить несчастье. Если какой-либо человек умер в больнице, то соседи возражают против того, чтобы его останки привозили для прощания домой. Доводилось читать рассказы людей, участвовавших в церемонии кремации в деревне, где этот обычай иногда практиковался. Ответственные за кремацию находились в подавленном состоянии.

В буддизме существует институт поклонения мощам, в частности священным частицам тела Будды Гаутамы – волосам, зубам, ребрам. Все ступы и пагоды представляют собой не что иное, как памятные знаки, возведенные над реликвариями, где хранятся части тела Будды или их дубликаты. В реликварии самой главной пагоды Бирмы рангунской Шведгагон находятся волосы Просветленного. В пагоде «Мир во всем мире», неподалеку от которой проходила кремация Индакары, помещены частицы останков ближайших учеников Будды. Существует представление о том, что праведный монах может достичь степени *архата* – буддийского святого. После смерти тело его не разлагается. Однако обычай хранить священные мощи в Бирме распространения не получил. Мне известен в Рангуне всего один случай выставления для поклонения останков настоятеля на территории пагоды Алейнгазин. Да и то они не были официально канонизированы. Если в соседних Лаосе и Таиланде ступы используются как колумбарии, то в Бирме это исключено. Труп или останки умершего считаются нечистыми. Однако наиболее выдающихся деятелей государства хоронят на территории, прилегающей к пагоде Шведгагон. Там покоится прах лидера борьбы за независимость Бирмы, ее национального героя генерала Аун Сана и его сподвижников, убитых в июле 1947 г., вдовы генерала До Кхин Чжи, бывшего Генерального секретаря ООН У Тана, последней королевы Шин Со Пу и классика бирманской литературы Такин Кодо Хмайна.

Вся церемония прощания с сангхараджей преследовала цель показать, что в следующей жизни ему уготовано обитать на небесах божеств-натов. Причем речь не идет о душе умершего. Согласно буддийским представлениям, не существует не только индивидуальной души, но и самого «Я» как такового. Что же тогда переходит в

инобытие? Ясного ответа на этот вопрос я не смог найти. Знакомые настоятели говорили мне о пяти *скандхах* – качествах, неповторимые комбинации которых и определяют индивидуальность того или иного человека. При очень упрощенном, огрубленном понимании это можно назвать духовной энергией, присущей тому или иному человеку, поток которой переливается из одной жизни в другую, создавая преемственность личности. Поэтому если Бхаданта Индакара, пройдя после смерти через очищающую стихию огня, возродится в мире божеств-натов, то он будет помнить о своей предыдущей жизни в Бирме, устроившей ему пышные похороны.

Примечания

¹ The New Light of Myanmar. Rangoon. 30.04.1993.

² S.: Ibid; Мьянма Алин. Рангун. 4.05.1993.

³ Мьянма Алин. Рангун. 21.09.1993.

⁴ См.: Чеймоун. Рангун. 23.05.1993.

⁵ Подберезский И.В. Россия: из Европы в Азию и обратно // Восток. 1991. № 3. С. 22.; см. также: Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996. С. 68–69.

⁶ S.: The New Light of Myanmar. 24.05.1993.

N.A. Listopadov. Funeral Ceremony of Chief of Burma Buddhist Monastic Community

The article gives detailed description of the unique funeral ceremony of the chief of Buddhist monastic community in Burma in which the author took place. The special consideration was given to the symbolic disclosing of some elements of the ritual. The events are considered in the context of the Indo-Buddhist and the local Burma traditions.

© 1998 г., ЭО, № 5

К.А. Днепроvский

К ВОПРОСУ О ГАРПУННОМ КОМПЛЕКСЕ ДРЕВНИХ МОРСКИХ ЗВЕРОБОЕВ ЧУКОТКИ

О функциональном назначении «крылатых предметов» высказывались разные точки зрения¹. В настоящее время установлено, что они являлись одной из составных частей гарпуна – основного охотничьего оружия древних морских зверобоев Арктики – и укреплялись на тыльной части гарпунного древка². Древнеберингоморские типы этих изделий имеют «крылья» – два боковых отростка различных конфигураций*. В целом «крылья» предмета выглядят слишком декоративно, чтобы иметь строго определенное функциональное назначение.

На ранней стадии развития (ДБК-I–III) «крылатые предметы» действительно могли выполнять функцию стабилизатора³ в том смысле, что уравнивали гарпун с тяжелой боевой частью. Что касается корректирования траектории орудия и удержания его в полете в положении «наконечником вперед» (как оперение стрелы, выпущенной из лука), то вряд ли такой стабилизатор мог быть эффективен. Гарпун в сборе имел немалую массу, небольшие по площади собственно крылья «крылатого предмета», очевидно, не обладали достаточными стабилизирующими свойствами. Древним

* См. статью Е.С. Сухоруковой «"Крылатые предметы" Эквенского могильника. Закономерности художественного оформления и конструктивного устройства» в этом номере журнала.